

Театральная хроника

Оригинал здесь -- <http://www.philolog.ru/filolog/writer/nadejdin.htm>

Надеждин Н.И. Литературная критика. Эстетика. - М., 1972.

"Видели вы "Ревизора"? -- вот вопрос, несколько недель назад тому повторявшийся по Москве и в гостиных и в гостиницах, и на перекрестках уличных и на проулках загородных; вопрос, на который щедро сыпались ответы, столько же занимательные, как справки о чужом здоровье и видимом состоянии погоды. Не вините за это общество московское. Оно, как и всякое другое общество, отделяется готовыми, общими фразами, но в выборе этих фраз, само по себе пошлых, есть у общества инстинкт особенный. "Все говорят": вот приговор общества, приговор строгой, неизменяемый, как судьба человека, которая, в свою очередь, чуть ли не есть только известное отношение наше к обществу! В вопросе: видели ли вы "Ревизора"? -- слышно уже разогретое любопытство Москвы; но чем же было возбуждено оно? Ни один журнал не подготовлял "Ревизору" в Москве приема ласкового; мы даже не могли читать его, а только об нем слышали, потому что он был какою-то библиографическою редкостью, которой нельзя было сыскать даже в книжной лавке А. С. Ширяева, неоспоримо первого нашего книгопродавца. Отчего -- эта книгопродавческая тайна не подлежит нашему суждению; мы говорим это только к тому, что ни ласковые предупреждения журналистов, ни даже чтение пьесы не могло предрасположить в ее пользу. Только слух, молва, перелетающая из Петербурга в Москву, словно по чугунной дороге, возбудила внимание к новому произведению г. Гоголя, и любопытство участия возросло до высшей степени. Наконец показалось и в нашем добром городе Москве *двадцать пять* экземпляров желанного "Ревизора", и они расхvatаны, перекуплены, перечитаны, зачитаны, выучены, превратились в пословицы и пошли гулять по людям, обернулись эпитафиями и начали клеймить тех, к кому придутся. Имена действующих лиц из "Ревизора" обратились на другой день в собственные названия: Хлестаковы, Анны Андревны, Марьи Антоновны, Городничие, Земляники, Тяпкины-Ляпкины пошли под руку с Фамусовым, Молчалиным, Чацким, Простаковыми. И все это так скоро, еще до представления, сделалось. Посмотрите: они, эти господа и госпожи, гуляют по Тверскому бульвару, в парке, по городу, и везде, везде, где есть десяток народу, между ними, наверно, один выходец из комедии Гоголя... Отчего ж это? Кто вдвинул это создание в жизнь действительную? Кто так сроднил его с нами? Кто натвердил эти прозвания, эти фразы, эти обороты, смешные и неловкие? Кто? Это сделали два великие, два первые деятеля: талант автора и современность произведения. То и другое дали ему успех блистательной; но, с тем вместе, то и другое оскорбили бесталанность и ложное в понятиях, снабдили автора врагами завистниками, клеветниками, на все готовыми. Напрасно Фаддей Венедиктович Булгарин и г. профессор Осип Иванович Сенковский, уцепясь за "Ревизора" с первого явления, потащили его на плаху своих литературных суждений; напрасно печатно и письменно уверяли они, что это создание допотопное, нелепое, баснословное; напрасно в числе доказательств божились, что "Горе от ума" Грибоедова (единственная пьеса, которую с гордостью можем мы показать чужеземцу, как неподражание), что это "Горе от ума" хуже "Недовольных" г. Загоскина, а "Ревизор" хуже "Горя от ума": все было напрасно. "Ревизор", сыгранный на московской сцене без участия автора, великого комика жизни действительной, поставленный во столько же репетиций, как какой-нибудь воздушной водевильчик с игрою г-жи Репиной, "Ревизор" не упал в общественном мнении, хотя в том же мнении московский театр спустился от него, как барометр перед вьюгою; "Ревизор" стал, встряхнулся и разбрелся отдельными сценами по всем закоулкам Москвы и разыгрывается уже в гостиных и Замоскворечья смиренного, и аристократического Арбата, при встрече гостя петербургского. Напрасно хулили "Ревизора" в печатных листах, это не подействовало. Прошел уже золотой век журналистики, когда издатели, злоупотребляя правом книгопечатания, давали послушной публике свои законы чернильные. Публика не верит вам, господа, более; она только платит вам подать свою, дает тS, чего вы так усердно каждую осень просите, вносит в декабре поголовщину, но не покупает ваших мнений, их ей и даром ненадобно, у ней есть свои мнения, живые, неподкупные, которыми она готова снабдить и вас без обеспечения. Будьте же осторожны, гг. законодатели журнальные; не навязывайте учтивой, щедрой публике ваших заказных мнений: бог с вами! Получайте ваши деньги и забавляйте нас, но не замышляйте на нас действовать. Публика не мешает никому заниматься своим промыслом, если этот промысел терпим в обществе, но не примет и не разделит ваших мнений, не продаст своего образа мыслей за подписную цену ассигнациями. Рассказывайте анекдоты, острите по крайнему вашему разумению, -- и